

СОЦИАЛЬНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И АНАЛИТИКА ПРАКТИКИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОМ ИЗМЕРЕНИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

В. В. Зинченко

*Институт высшего образования
Национальной академии педагогических наук Украины,
Киевский университет имени Б. Гринченко,
Украинский гуманитарный институт,
Международная лаборатория образовательных технологий
Центра гуманитарного образования
Национальной академии наук Украины*

Поступила в редакцию 30 июня 2014 г.

Аннотация: в статье аргументируется, что современная глобальная социально-экономическая система, несмотря на высокий уровень технологического развития, является в скрытой форме достаточно несправедливой и антигуманной, поскольку «позднекапиталистическое» общество, манипулируя общественным и индивидуальным сознанием, становится репрессивным орудием угнетения свободы человека. Представляется необходимым превращение бытия в соответствии с требованием разума субъекта, но это возможно лишь в том случае, если субъект априори имеет свободу.

Ключевые слова: общественная трансформация, идеология, бессознательное, индустриальное общество, коммуникация, социальная реальность.

Abstract: *the article argues that contemporary global socio-economic system, despite the high level of technological development, is in a latent form quite unjust and inhumane, as the «late capitalist» society, by manipulating the social and individual consciousness, it becomes a repressive instrument of oppression of human freedom. Therefore life transformation according to the requirement of reason of the subject is obviously necessary, but it is possible only in the event that the subject a priori has freedom.*

Key words: *transformation of society, ideology, unconscious, industrial society, communication, social reality.*

Технический и культурный прогресс может сопровождаться или усилением репрессивного давления государства, которое приводит к росту общего объема инстинктивной агрессивной энергии, или длительной десублимацией, не дающей возможности человеку и человечеству вернуться к архаичным и примитивным уровням, предоставляя возможность перехода к менее репрессивной форме цивилизации. Это становится заметным в процессе смягчения борьбы за существование, росте гуманизированных потребностей и нерепрессивных влечений. Данный процесс можно наблюдать в трансформировании явления *господства* (репрессивного угнетения политико-экономическими институтами госу-

дарства или общества свободы человека). Его можно рассматривать как *нейтральный феномен*, характерный для всех развитых стран мира. «Явным политическим выражением нейтрализации господства является возрастающая в развитых странах похожесть политических партий, которые раньше находились в оппозиции друг к другу, в стратегии, целях, унификации политического языка и политических символов» [1, с. 149].

В современных общественных системах проявляются черты *позднеиндустриальной цивилизации*: централизация и регламентирование приходят на смену индивидуальной экономике и автономии, конкуренция организовывается и рационализируется; существует общее господство экономической и политической бюрократии; население унифицируется, и мышление его стандартизируется с помощью средств массовой коммуникации, индустрии развлечений и воспитания. Если эти средства оказываются эффективными, становится возможным для общественного управления гарантировать в юридическо-конституционных установлениях демократические права и институты, без опасности их использования против господствующей системы.

На высокой ступени индустриализации технология и техника, которые применяются в экономических процессах, еще более, чем когда-либо прежде, становятся инструментами социального и политического контроля. Удовлетворение материальных и духовных потребностей осуществляется с помощью научной организации труда и научного руководства предприятиями, научного определения действий и образцов поведения, которые становятся эффективными вне процессов труда и преформируют индивидов согласно господствующим общественным интересам. В развитом индустриальном обществе эта преформация является рациональной в полном смысле, т.е. проявляется как манифестация технологической необходимости и самой производительности; она сопровождается ростом комфорта и жизненного уровня населения. И с ростом технического прогресса возникают ощутимые преимущества, общество может полагаться на мощь экономического аппарата и в обычных условиях не применять насильственные средства для принуждения и подчинения.

Капитализированная индустриальная система общества трансформируется в результате собственных потенциальных возможностей; отсюда и сопротивление господствующих сил и институтов, их противодействие проявлению объективных возможностей, присущих технико-производственному прогрессу, который обеспечивает их власть [2, с. 20]. Технический прогресс идет своим путем, однако моделируется и направляется, контролируется и отклоняется с учетом его веса как политического господства. Освобождающие социально-психические потенции подавляются, и сознательно увековечивается существующая система в качестве «естественно необходимой». «Необходимо напомнить мнение Маркса, что естественные законы общества являются выражением слепых и иррациональных процессов капиталистического производства, социалистическая революция должна обеспечить эмансипацию от данных законов. В противовес этому, ревизионисты считали, что общественные

законы являются естественными законами, которые гарантируют необратимое развитие к социализму» [3, с. 117].

Для *«раннего капитализма»* основной движущей силой, которая порождает общественно-психологические изменения и сдвиги, выступает экономический кризис, выраженный в борьбе труда и капитала. В раннекапиталистическом социуме участие в формировании общественной мысли – недостаточно распространенная привилегия, поэтому экономические отношения и классовая структура фактически определяют уровень и характер развития общественного сознания. Развитие общества определило сдвиг акцентов из экономической на другие сферы социальной системы. Ответом на экономический кризис стал и рост государственного вмешательства в экономику, возрастание уровня государственной «интервенции» в стремлении избежать этих кризисов, что увеличило силу и значение государства.

Индустриально развитый *«поздний капитализм»* характеризуется государственной регуляцией не только экономики, но и других сфер общественной жизни. Постоянное расширение государственных полномочий в противовес обществу, перенесение на государство негосударственных функций на экономическом уровне приводят к определенным кризисам, причиной которых является неспособность государства примирить разные, в том числе конфликтные, интересы частного капитала, иррациональность которого не способствует солидаризации организованного общества. На уровне социальной интеграции это проявляется в *«кризисе легитимации»* [4, с. 105].

Если государство не способно предложить стратегию примирения конфликтных интересов, которыми стремится руководить, то оно теряет легитимность в глазах населения и оправдание его существования достаточно проблематично для большинства слоев населения. Выходом из этого кризиса являются интеграция основных социальных и классовых интересов в господствующую идеологическую систему, обеспечение за счет индустриального производства и технологического развития роста материального благосостояния и уровня общественного потребления, достижения равномерного распределения общественного продукта.

Гигантское развитие производства в современном мире, научно-технический прогресс, трансформирующий психо-биологическую природу человека, использование в этих условиях административной манипуляции общественным поведением человека рассматриваются социально ориентированным психоанализом в качестве борьбы между инстинктом к жизненному плодотворному развитию, к творческой свободе (Эросом) и разрушительным инстинктом к агрессии, разрушению (Танатосом). В отличие от психоанализа Фрейда, эта борьба современной социальной и психосоциальной аналитик (особенно неомарксистской) не рассматривается как вечная и неминуемая [5–8]. Антагонистические отношения господства одних социальных групп над другими вызваны не столько научно-техническим прогрессом, сколько специфической общественной формой организации труда и существующих социальных, политико-эко-

номических отношений. Практика исследования человеческой психики, особенно в период значительных социальных потрясений, свидетельствует о том, что корни патологических отклонений в поведении людей находятся чаще всего в их социальном окружении [6, с. 214].

Концепция всего современного неомарксизма сосредоточена на понятии «разум». До сих пор философия сохраняла свое право на существование именно настолько, насколько ее разум еще не получал своей практической реализации в человеческом бытии: «доныне жила тем, что разум еще не был действительностью» [9, с. 103].

С идеей «подлинного бытия», снимающего противоречия между субъектом и объектом, сущностью и явлением, мышлением и бытием (именно с этой идеей соединяла философия представление об истинном разуме), связано то, что «существующее не является разумным непосредственно», но только должно быть приведено к разумному состоянию. Разум возникает, таким образом, как высшая способность человека и всего существующего, и как человеческая возможность он включает в себя также и то, что фиксируется понятием свободы. И поскольку все это (истинное бытие, реализация человеческих потенций, его свободное самоопределение, охватываемые философским представлением о разуме и разумности) еще не свершилось, «философия разума» сохраняет определенное отношение к истине и в силу последнего право на существование.

Разум создает единство природного и человеческого мира. Субъект мышления во всех людях является одним и тем же. Исходя из этого представляется природным и естественным существенное равенство людей. «Кроме того, мыслящий субъект как производитель общих понятий необходимо должен быть свободным. Свобода составляет самую внутреннюю сущность субъективности» [2, с. 230]. Таким образом, разум не связывается с непосредственно данной формой сущего, а может выходить за его пределы и изменять его в соответствии с понятиями. Из этой свободы следует моральный долг, потому что истина как объективная возможность должна быть осуществлена.

Разумные действия практикуются естественными науками. В результате идея разума попадает в подчинение техническому прогрессу, а экспериментальный метод становится моделью рациональных действий. «Вследствие этого современный рационализм приобрел тенденцию кроить по модели природы как индивидуальную, так и общественную жизнь» [10, с. 227]. В этом заключается позитивистская тенденция: мир рассматривается как мир, в котором царят объективные законы, действующие как физические законы, и к этому должны приспособляться личностная экзистенция, личностное существование. «Поэтому бросается в глаза конформистский скептицизм, который сопровождает развитие современного рационализма» [11, с. 228]. Чем больше побеждал этот технологически смоделированный разум, тем все менее решительно стремился он к общественной свободе. Под давлением этого процесса постепенно исчезали критические и мыслящие элементы, ища убежище в еретических и оппортунистических доктринах: «Лейбниц, Кант и Фих-

те примиряли свой радикализм с явной иррациональностью господствующих общественных отношений путем обращения внутрь разума и свободы» [4, с. 117].

Политико-экономические, мировоззренческие, технологические трансформации общества всегда являются социальной революцией, в какой бы форме она не происходила. Однако она всегда будет безуспешной, если не обеспечить сдвиг в массовом сознании, моделях индивидуальной и общественной культуры. Доминирование, господство и подчинение в общественных и межчеловеческих отношениях обязательно порождают репрессивное сознание и конфликтно-агрессивное бессознательное в индивидуальной и массовой психике, примитивизирует витальные влечения человека. В индустриально развитом, а тем более в *«переходном», транзитивном обществе*, индивид становится объектом тотального администрирования, удовлетворяя свои потребности лишь как некий объект манипуляции со стороны государства.

В результате формируется «одномерная структура человеческого существования и мышления» [12, с. 16], чей протест против разных форм социального и психического отчуждения не имеет оппозиционного характера. Эта «одномерная структура» не только вынуждает человека к четко определенному типу поведения, производя соответствующую разновидность сознания, но и формирует однотипные физиологичные реакции, потребности и влечения. Возникает регрессия ментальной активности к ее примитивным формам, формируются конформистские стереотипы поведения. Следствием этого является высвобождение деструктивной энергии биологических агрессивных инстинктов, которые играют значительную роль в социальной, экономической и политической жизни современных индустриальных обществ.

В связи с этим необходимо различать понятия *«психологически неосознанное»* и *«идеологически бессознательное»*. Такое различие основывается на теории *товарного фетишизма*: реальные социальные отношения между людьми приобретают фантастическую иллюзорную форму отношений между вещами. *Идеологически бессознательное* – это сфера ошибочного сознания, которое порождает иллюзорные, мнимые представления об истинных исторически-общественных и межиндивидуальных отношениях. Оно отображает именно отсутствие знания у человека о настоящих, реальных причинах общественного развития, а следовательно, является тождественной основой существования ошибочных, мнимых, иллюзорных представлений, желаний, стремлений.

В наших переживаниях всегда присутствуют элементы, которые не осознаются и являются деформированными, неадекватно отображая внешний реальный мир, вытесняясь из сферы сознания (оговорки, сновидения, ошибочные действия и т.п.). Однако под этими деформациями часто оказывается другая реальность.

Существуют две взаимодействующих сферы: одна из них – та история, которая отображается в современности, сознательно пережитых фактах, биографии; другая – *история неосознанная*, бессознательная,

вытесненная, но которая постоянно проникает в современное. Незнание, погрешности – это вытеснения, возникающие в результате взаимодействия этих двух историй – осознанной и неосознанной, бессознательной.

Психоанализ подтверждает идею Маркса о том, что «сознание», т.е. представление, цели влечений, моральные идеологии и т.п., обуславливается общественным бытием. Экономическая структура общества не прямо и непосредственно влияет на идеологическую систему, а через опосредованные социально-психологические факторы, через отношения в семье и т.п. В то же время существует обратное активное влияние психологического фактора на экономический базис общества. Экономические отношения обнаруживают экзистенциальные отношения между людьми. Поэтому важным является вопрос о необходимости изменений в характере социальной деятельности и труда для устранения отчуждения человека.

Психоаналитическая социальная теория, с одной стороны, выступает психологической частью социально-политической и экономической науки, а с другой – предоставляет возможность понять скрытую сущность определенных решающих тенденций в современной экономике и политике.

Неомарксистский психоанализ концентрирует внимание на теме человеческого одиночества и отчуждения между людьми, обнаруживая тяжелое расстройство и психологическую деформацию личности в период «раннего», «переходного» и «позднего капитализма» [5, с. 64]. Деятельность, стремление и влечения людей в товарно-фетишизированных общественных отношениях обнаруживают бессознательное стремление скрыть дискомфорт, вызванный «свертыванием» личного Я, сужением сферы личных интересов, исчезновением тождественности с самим собой в результате внешне навязанных идеологий. «Антенна на каждом доме, приемник на каждом пляже, музыкальный центр в барах и ресторанах – во всем этом можно услышать крик отчаяния: не остаться бы одному, не оторваться от большинства, не оказаться обреченным на ненависть, на бесплодные мечты о собственном Я. Этот крик подхватывается из толпы, и даже те, кто не имеет или хочет собственного Я, являются осужденными» [13, с. 92].

Культура сводится к уровню коммерческих стандартов, культурные ценности стали предметом купли-продажи, идеологической манипуляции, и те из них, которые не способны обеспечить прибыль, разрушаются; жизнедеятельность человека стала чужой и фальшивой относительно его естественных потребностей. Она превращается в определенные стандарты, которые создаются и навязываются чужой, отчужденной внеличностной средой. Проблема влияния языка на самоотношение субъекта принимает форму вопроса о том, каковы отношения между неосознанием «Я» своих желаний, касающихся отношения субъекта к своему телу, и незнанием идеологического характера, связанным с отношением субъекта к общественному бытию.

Изменения в формах собственности на средства производства выступают значимыми факторами индивидуального и общественного разви-

тия, однако сами по себе ничего не решают, если не используются для развития и удовлетворения свободы мышления индивидов. В этом случае они просто сведутся к новой форме подчинения людей, их психики и поведения. В индустриальном обществе психика человека отличается значительной общественной пассивностью и ориентацией на ценности рынка, человек исполняет в первую очередь социальную роль *потребителя*. Другой ролью является роль *торговца*, которая выходит за пределы экономической подсистемы. Сам человек превратился в товар и рассматривает свою жизнь как капитал, который необходимо выгодно вложить. Если он этого достиг, его жизнь имеет смысл, а если нет – он неудачник. Его ценность определяется *спросом*, а не человеческими качествами. Поэтому его психологическая и социальная самооценка зависит от внешних факторов, обусловленных рыночной потребительской ориентацией общественного управления.

Принципы потребительства и всеобщей производственности пропагандируются господствующими идеологемами как самый приемлемый для человека «принцип реальности», закладываются в фундамент социально-этических систем. Следствие – *потребление как идеал жизни*; у человека нет потребности развивать свое уникальное «Я», поскольку идеалом является личность как система удовлетворенных желаний, которые постоянно стимулируются и направляются экономико-политической и идеологической системами. Внутренняя пассивность человека в индустриальном обществе – характерная и патологическая черта, которая приводит к добровольному самоподчинению господствующим идеологемам и конформизму, ощущению недостаточности в накоплении и потреблении предлагаемых благ, что в дальнейшем приводит к хронической депрессивности.

На этом фоне растет разрыв между церебрально-интеллектуальной функцией и аффективно-эмоциональными переживаниями, между мыслью и чувством, разумом и страстями. Разум возникает из сочетания рациональной мысли и чувства. Если эти две функции являются разорванными, мышление деградирует к шизоидной интеллектуальной деятельности, а чувства превращаются в невротичные влечения и желания. Разрушение и разрыв между мыслью и аффектом приводит к хронической шизофрении в социальных ориентациях и психических восприятиях.

Неминуемый рост потребительской психо-социальной ориентации в этом случае перемещается в культурную сферу как явление «*мотивационного кризиса*». Это кризис человеческой мотивации, заинтересованности человека в социальной системе как таковой. Он происходит на уровне социальной интеграции, вызванной ростом власти государства и технократического контроля, необходимых для управления экономическими и легитимационными кризисами. Труд становится все более рутинным и бюрократическим. Властное бюрократическое государство подавляет возможность полезного участия человека в процессе принятия решений, разрушая сущность демократических институций.

Все репрессивные тенденции обнаруживают свою неразрывную связь с формами господства и угнетения, которые имеют классовую природу и уменьшают свое влияние в условиях межклассовой интеграции и конвергенции. Однако вследствие извращенной компенсации за постоянные отказы человека от самореализации своей личности, угнетения своего собственного Я с помощью репрессивной культуры у него возникает готовность и склонность угнетать. Это обстоятельство обусловило судьбу всех социальных революций против репрессивных обществ и их культуры.

Даже после успешной социальной и экономико-политической революции, эволюционных трансформаций у победителей возникает осознание необходимости господства на «более высшей ступени», и революция испытывает поражение в момент победоноснейшего триумфа – господство возобновляется и развивается дальше: «Нет ли рядом с исторически общественным термидором, который оказывается во всех революциях прошлого, также психического термидора; возможно, революции не только внешне уничтожаются, возвращаются вспять и возводятся в ничто; предположительно, что в самих индивидах действует динамика, которая внутренне отрицает возможное освобождение и удовольствие?» [14, с. 47].

Дело в том, что капитализированное общество вместе с соответствующей ему материально-духовной культурой настолько глубоко проникает в структуру витальных потребностей человека, в сферу бессознательной психической жизни, что человек формирует его внутреннее подобие, проводя борьбу против свободы в угоду господствующей системе; блокируя естественное влечение к ней.

Модернизация производства и социального управления в современном «*позднекапиталистическом*», «*постиндустриальном*» обществе способствует ненасильственной («толерантной») борьбе с проявлениями протеста против производственного отчужденного труда («*принципа производства*»), отоваривания личности (*общественного фетишизма*), всеобъемлющего засилия бюрократизированной власти («*дополнительного угнетения*» и «*сверхугнетения*»). В связи с этим на ментальном уровне человека происходит расщепление психоэмоциональной сферы на *репрессивный разум* и *бессознательную доминанту*, которые имеют одинаковый уровень активности.

В современный период, когда классовое господство уже не имеет явных основ, идеология обязана своим могуществом прежде всего отсутствием развитой способности к саморефлексии у общественного индивида. На социально-психологическом уровне идеология фактически отождествилась с невротичным состоянием индивида, когда нарушение психической деятельности последнего создает препятствия для всех разновидностей его общения с другими людьми. «Индивидуальным прообразом идеологии является невротичное расстройство, на примере которого исследуется механизм нарушения коммуникации» [11, с. 120].

Противоположностью государственно-идеологического господства выступают расширение сферы общественной дискуссии, предотвраще-

ние деполитизации сознания человека и социальных групп. Если легитимизирующие господство нормы проявят в рациональной общественной дискуссии свою «идеологическую» неистинность, появляется возможность установления неидеологизованных, свободных от принуждения коммуникативных форм межчеловеческих отношений.

В анализе явления рациональности неомарксизм исследует в качестве исходного «буржуазное» понятия разума. Разум – это критический лозунг, с помощью которого и буржуазия ведет борьбу против всех, кто препятствует ее политическому и экономическому развитию. Буржуазный разум не ограничивается одним заданным порядком. Не обязательно, чтобы разум по своей направленности был деятельностью, но в любом случае он должен содержать в себе право строить мир в соответствии с потребностями буржуазии и капитала. Толкование мира как мира рационального изначально включало в себя в первую очередь возможность понять и изменить его с помощью деятельности человека, которая основывается на познании. Природа по своей внутренней структуре рассматривалась как нечто рациональное, причем субъект и объект совпали в сфере разума.

Неомарксисты пришли к выводу, что в качестве силы, которая разрушает разум, выступают не только *«институты господства»*, обусловленные функционированием экономики, но и еще большую опасность представляют идеология, техника, *«технологическая рациональность»*, ведущие к *«технизации»* всех сфер жизни современного общества. Рост производительности, увеличение экономической мощи создают парадоксальную ситуацию: по мере увеличения власти человека над природой растет его зависимость от техники, технического аппарата господства [15, с. 43]. В трактовке неомарксизма все современное общество предстает как воплощение «технологической рациональности», которая организует и контролирует производство, фабрики и служебную бюрократию, труд и свободное время людей.

Техническая цивилизация целиком растворяет собственное Я человека, устраняет последнюю разделяющую инстанцию между индивидуальным поведением и общественной нормой и превращается в конечном счете в стихию бесчеловечности. В этих условиях социально-экономические и социально-политические отношения, которые играли решающую роль в доиндустриальных обществах, теряют свое определяющее положение и поглощаются технико-организационными взаимосвязями. «Технологический универсум становится политическим универсумом – самой последней ступенью осуществления специфического общественного проекта, а именно – превращения природы как голого материала господства» [9, с. 228].

Концепция неомарксизма считает, что забота о счастье человека и убеждение, что эта забота требует проведения материальной революции, определяет характер общественного развития. «Нефилософский» характер социальной критической теории объясняется тем, что философия до сих пор существовала через недействительность разума, с реализацией

которого она, следовательно, отрицает. Неомарксистская социальная онтология показывает, что «буржуазные» рационалисты в общественном познании придерживаются единого мнения о том, что действительное уже не является непосредственно разумным, а должно еще быть приведенным к разуму. «Такова философия идеализма, ставящая сознание над бытием» [16, с. 104]. Классический «буржуазный» рационализм, который сводит бытие к сознанию и тем самым к его конкретному носителю – лишь к индивиду, – является индивидуалистическим и субъективистским. Все, что существует вне субъекта, представляется чужеродным и разумно лишь в той мере, в которой оно создано субъектом.

Требованием становится превращение бытия в соответствии с требованием разума субъекта, но это возможно только, если субъект априори имеет свободу. «Буржуазный» разум и «буржуазная свобода» идентифицируются. Неомарксизм отмечает буржуазный характер этой концепции и выводит его из индивидуализирующих воздействий буржуазной собственности. «*Буржуазная разумность*» – это только видимость разумности в иррациональном мире. Разум и Свобода становятся сугубо внутренним свойством (*verinnerlicht*) [4, с. 45]. Потенциально это присуще всем идеалистическим решениям общественных проблем. Однако, если поставить своей целью сделать правильные, конкретные выводы, то необходимо исследование самого вопроса о том, *при каких условиях эта возможность будет осуществляться*. Тот, кто признает необходимое в качестве необходимого, преодолевает его простую необходимость поднимать его до уровня разума, становится свободным (по Гегелю). Неомарксизм видит в этом псевдокритичное содержание этого решения вопроса о взаимосвязи свободы и необходимости: свобода таким путем никогда не выйдет за пределы необходимости, а только лишь освящает ее.

Свобода только тогда может стать истинной необходимостью, если эта последняя сама по себе является истинной. Свобода должна выйти за пределы необходимости. Она возможна лишь постольку, поскольку происходят детерминированные процессы, и эта детерминированность является познаваемой, а человек может планировать в соответствии с детерминантами и осуществлять свои планы по крайней мере в определенном объеме. В недетерминированном невозможны ни планирование, ни запланированные действия, ни реализация планов.

Критическая онтологическая, гносеологическая и социальная теория, согласно неомарксизму, приходит на смену прежней философии. Подобно философии, она выступает против правомерности реальности, против самодовольного позитивизма, но по-другому, чем философия. Она черпает свои целевые установки всегда только из существующих в наличии тенденций общественного процесса. «Поэтому она не боится утопии, ее не пугает, что новый порядок обвинят в утопичности. Если истина не может быть реализована внутри существующего общественного порядка, то она и без того имеет для этого общества характер простой утопии. Такая трансцендентность свидетельствует не *против*, а *в интересах* истины» [16, с. 111]. Точка зрения Гегеля, на которой строится

нынешняя капитализированная реальность и против которой борется неомарксизм, действительно сводит свободу к осознанной необходимости. Все, следовательно, сводится к интерпретации необходимости.

Неомарксистская социальная онтология формулирует своего рода закон о том, что внутреннее развитие европейского типа общественно-го мышления и западной философии вызвало необходимость перехода к критической теории общества. Если Гегель прав в том, что разум в данной действительности стремится к своей реализации и, следовательно, трансцендирование излишне, если истина, также по Гегелю, представляет собой такое целое, которое должно быть имеющимся в каждом отдельном элементе, то теорию Гегеля разрушает так называемый пролетариат, так как он противоречит ложной действительности разума, в целом как социальное явление представляет собой олицетворение отрицания этого разума. Если свободная личность связана с собственностью, то пролетарий не является свободным и не является личностью. При этом отрицается не только философия права Гегеля, потому что пролетариат складывается в процессе труда.

Согласно неомарксизму, «*пролетариатом*» выступает не какой-то определенный класс. Это общественное явление не сконцентрировано в определенной социальной группе. Он есть как отдельные индивиды, так и различные общественные группы, сознание и деятельность которых «не одновременные» существующим антагонистическим отношениям, а воображение, мысль и действия направлены на рациональное будущее [13, с. 76].

Таким образом, необходимо полностью отрицать «эту» философию, так как «критику общества не может осуществлять философское учение, это становится задачей историческо-социальной практики» [2, с. 128].

Общество немислимо без природы. Человек – это наиболее высоко-развитое существо природы, и основу человеческого общества составляет обмен веществ между человеком и природой – человеческий труд. Развитие экономики, техники, науки будет постоянно вызывать новые следствия, оказывать влияние на все сферы общественной жизни, которые никогда не смогут быть предусмотрены совершенно, абсолютно. Объективные условия, хотя и рационально регулируемые, будут определять сознание существующих поколений людей, общество сможет и будет дальше двигаться вперед только в бесконечном процессе преодоления противоречий, хотя и не антагонистических, а в процессе борьбы нового против старого. И даже в бесклассовом обществе нет другой возможности объективно обосновать рациональность, как только выводя ее из историко-материальной общественной реальности.

Совокупность человеческих способностей возникает из истории. И человек развивается в истории. Удовлетворение его потребностей зависит от контроля над природой и обществом. Поэтому их действующим измерением в конечном счете является измерение разума. Природу и общество нужно преобразовать таким образом, чтобы имеющиеся способности и качества могли свободно развиваться. При этом необходим вос-

питательный процесс с целью усовершенствования этих способностей и качеств. «Осуществление разума ... предполагало конец любого внешнего авторитета» [9, с. 37]. Этот разум имеет общезначимое значение, потому что из подчеркивания разума следует, что поступки человека суть действия мыслящего субъекта, который руководствуется понятиями познания. Понятия как инструменты этого познания позволяют проникать в сущность универсальных и необходимых законов, объясняющих внутренние изменения формы вещей. Общие понятия становятся рычагом изменяющей мир практики. «Общее настолько же реально, как и особенное, оно только существует в другом виде, а именно как сила, *dynamis*, возможность» [10, с. 109].

С самого начала современного этапа развития идея и действительность разума содержали небезопасные элементы:

- «порабощение человека его собственной продуктивностью», «прославление ожидания грядущего счастья»,
- «репрессивное господство над человеческой и внечеловеческой природой»,
- «развитие человеческих задатков в рамках господствующей структуры» [там же, с. 369].

Гегель не постиг реальности тиранического государства. Он принял капитализированную модель общественного и человеческого развития, буржуазный строй и буржуазное государство за историческое осуществление разума. Высший уровень осуществления как обожествление духа означает признание его поражения в действительности. В негативности Гегель видел жизненный элемент разума. В конечном счете это означает, что факты надо понимать под углом зрения их сменяемости.

Разум в своей глубочайшей сущности – это противоречие, оппозиция, отрицание, во всяком случае, пока он еще не осуществился. Если эта отрицательная сила разума является уничтоженной, то действительность в соответствии с ее собственными законами развивается в репрессивную силу. Такой упадок негативности характеризует «позднеиндустриальную» цивилизацию: растущая концентрация и тем самым растущая власть экономического, политического и культурного контроля ликвидируют оппозицию. Функция духа меняется: он способствует господствующим силам в управлении и организации, разрушая негативность. Разум отождествился с действительностью: что является истинным, то является и разумным, хотя то, что является разумным, еще не стало действительностью.

Маркс хотел по-новому определить разум. Он считал, «что индустриальное общество создало условия для осуществления разума и свободы, но этому осуществлению единственно препятствует капиталистическая организация» [там же, с. 307]. Марксизм требовал создания предпосылок освобождения: полное развертывание производительных сил, овладение природой, создание материальных богатств для удовлетворения основных потребностей всех членов общества. Эти предпосылки были налицо. Он также показал, что, несмотря на существенную связь между капиталис-

тической производительностью и социалистической свободой, социальная революция нужна для того, чтобы осуществить этот переход, который, однако, должен принести нечто большее, нежели освобождение и рациональное использование производительных сил, а именно – освобождение самого человека: уничтожение его порабощения инструментами его же труда, индивидуального и общественного функционирования и тем самым полную переоценку всех общепринятых ценностей. Только это «большее» превратило бы количество в качество и создало бы другое, нерепрессивное общество, что означало бы определенное отрицание капитализма.

Проблемой проблем социальной системы являются не спонтанные процессы саморегуляции, не массовое применение социальной технологии путем идеологических манипуляций, в результате чего сложные и разнообразные пути социализации в современном обществе должны были быть заменены нерелексивной адаптацией индивида к требованиям системы, принудительным рациональным и бессознательным конформизмом.

Задание общества – поиск определения жизни в соответствии с потенциалом потребностей человека и объективных возможностей их удовлетворения. Возникает возможность решительного уменьшения рабочего времени (при условии адекватного уменьшения пропагандируемого системой культа потребления как цели жизни, а также возможность сочетания труда и игровой творческой деятельности, производства и наслаждения). «Солидарность вместо конкурентной борьбы, творческая чувственность вместо ее притеснения» [17, с. 190].

Репрессивная культура и принципы эксплуатационного угнетения человека человеком не вечны и теряют свой необходимый характер в результате роста общественного производства, его технологизированной модернизации, которая является возражением идеям классического психоанализа о том, что свобода от угнетения есть достижение только бессознательного, элементарных биопсихических явлений. Сила противоречия по отношению к обветшалой общественной системе может быть реализована при условии, что использование объективных социальных предпосылок будет совмещаться с психо-антропологическими и культурными изменениями в индивиде. Именно достижения современной культуры и цивилизации создали предпосылки для постепенной ликвидации угнетения свободы человека в социальной и психической сферах. Создан такой уровень производства, при котором удовлетворение человеческих потребностей и количественно, и качественно может быть осуществлено без тех жертв, к которым вынуждает индивидов «принцип производства».

Воображение проявляется как фундаментальный ментальный процесс, имеющий ценность как таковой, независимо от того, как будут оценены его продукты с точки зрения репрессивной части разума. Такой симбиоз рационально-бессознательного единства зависит от того, как воображение сохранило свободу, уклонившись от службы потребителю «принципу реальности», правда, за счет признания продуктов деятельности свободы

иллюзорными, не соответствующими «реальности». Способность к фантазии, воображению имеет возможность противостоять эксплуатационной реальности и угнетению через сравнение существующей реальности с собственными потерянными, но не уничтоженными, вытесненными в бессознательное возможностями, реализация которых предусматривает возникновение свободы, денонсацию угнетения и господства.

Истинная ценность воображения касается не только прошлого, но и будущего – формы свободы и счастья, к которым она призывает, требуют освобождения исторической реальности. Она не только совмещает рациональные и бессознательные формы психического, но и направляет их на реализацию в социуме содержания фантазий и утопий, кажущихся будничному «одномерному» или «репрессивному» сознанию наиболее фантастическими и утопическими, именно в результате несоответствия пропагандируемой идеологиями картине реальности. Развитие цивилизации само предлагает мышлению понимание (в эволюционной или аффективной формах) необходимости ликвидации и трансформации экономико-идеологической реальности, невротичной по сути, с ее принципами производственности, идеалом потребления, товарным фетишизмом и репрессивным, потенциально шизоидным типом рациональности. Поэтому требование реализации утопии (как противоположности существующего господствующего социального и психического типа общественной реальности) уже не утопическое, а, наоборот, обнаруживает «конец утопии» [16, с. 188].

Истина фантазий является бесконечно высшей от *«репрессивной истины»* индустриального общества. *«Социальная фантазия»* сохраняет свои позиции в психике человека, которые приобретают особое значение тогда, когда появляется вопрос об альтернативе существующему социально-экономическому укладу, о прорыве за пределы «континуума господства». Социальная фантазия с точки зрения конструирования социальной реальности не является сугубо витальным наслаждением, игрой, как это выглядит из позиций господствующей идеологии, а наоборот, как образ новой гармонии части и целого, желания и осуществления, счастья и ума. Социальная фантазия основывается на том, что «утопию» существующих систем возможно и необходимо осуществить, что за иллюзорностью фантазийных образов скрывается реальный опыт преодоления человечеством и человеком враждебной его сущности действительности.

Новые общественные и индивидуальные возможности заключаются именно в том, что дают возможность царству свободы появиться и в царстве необходимости – в труде, а не только по ту сторону (необходимого) труда. «Мы должны помнить о возможности движения и развития не только от утопии к науке, но и от науки к утопии» [там же, с. 70].

Преградой для осуществления «возможного» является существующий тип господствующих психических, а соответственно, социальных потребностей в поведении человека, которые формируются и возобновляются аппаратом общественно-идеологического управления. Поэтому рядом с трансформациями производственно-экономической и политической сис-

тем обязательно должна происходить трансформация потребностей человека.

Критическая социальная и психологическая теория должна со всей непредубежденностью устанавливать и обобщать скрытые интересы социальных групп, конкретизируя их, определяя, какие из них деформируют общественную коммуникацию, патологизируют психику, препятствуя достижению консенсуса. Обнаружить, какие сферы экономико-политического уклада продуцируют *«мнимую консенсуальность»* в форме *«идеологической интеграции»*, приводя к вытеснению в бессознательное реальных социальных противоречий, результатом чего становятся индивидуальные психозы и *социальный невротизм*.

Общественным изменениям, социальной революции должны предшествовать революция в человеке, радикальное изменение структуры потребностей и системы технологии воспитания. Необходима трансформация потребностей, которая стала решающим фактором стабилизации, увековечения и воссоздания агрессивного и репрессивного общества. Под ее влиянием человек рассматривает мир, ценности, самого себя и других людей как товары для обмена, как материю господства. Должны быть трансформированы не только социальные и политико-экономические институты, но и тоталитарные формы традиционной культуры, мировоззрения, которые способствуют идеологическому усилению социальной амнезии, потребительского иррационализма и дегуманизированного фетишизма потребления и господства.

Борьба против эксплуатации, угнетения, трансформационные превращения в обществе прямо зависимы от коренных изменений в психофизиологической природе человека. Экономическое производство и социальное управление, исходя из этих заданий, должны основываться на новых ценностях. Для этого необходима *«революция до революции»* [18, с. 212]. Создание нерепрессивной цивилизации прямо связано с изменением потребностей человека, которые, с одной стороны, будут приобретать более творческий, плодотворный характер, а с другой – будут сопровождаться десублимацией агрессивных инстинктов. В этом качественное отличие между свободным и несвободным обществом. Имеется в виду возможность социо- и самореализации, когда труд становится творчеством, игрой, где даже общественно необходимый труд может быть организован гармонично, в соответствии с потребностями человека. В процессе устранения *«отчужденного труда»* репрессивная структура институтов должна испытать коренные изменения: инстинктивная энергия должна стать свободной и стремиться превратить либидные отношения в универсальные общественные.

Необходимы формирование и развитие *«витальных потребностей в свободе»*, новой антропологически-психологической структуры человека, который предусматривает качественно другой способ существования людей. Именно непрерывность развитых в репрессивном обществе и удовлетворенных в нем потребностей снова и снова воспроизводит репрессивное общество в самих индивидах. Даже в социальных революциях

индивиды воспроизводят репрессивное общество, отталкиваясь от господствующего типа потребностей, и это именно та непрерывность, которая препятствует прыжку от количественного потребительского к качественно свободному обществу. В условиях современного индустриального общества производительные силы достигли такого уровня развития, на котором они фактически самим своим существованием требуют новых потребностей, отвечающих их возможностям. Возникает потребность победить репрессивные разрушительные инстинкты и влечения людей, найти их гуманистические, солидарные биопсихические потребности для качественного общественного развития.

Неомарксистская социальная онтология, руководствуясь дедуктивным методом логических «триад», рассматривает в качестве правильного решение о создании такого разумного общества, где бытие и сознание не будут уже более взаимоотделенными. Там исчезает и абстрактный характер свободы. Таким образом, он объясняет научно-познавательную связь субъекта и объекта как выражение овеществления, которое при социализме будет устранено, в результате чего бытие и сознание придут к единству, будет достигнуто тождество объекта-субъекта. Предистория закончится, когда бытие и сознание освобождены. «Заинтересованность критической теории в освобождении человека связывает ее с четко определенными старыми истинами, которые она должна сохранить. Убежденность в том, что человек может быть чем-то большим, нежели некий субъект, используемый в производственном процессе классового общества, глубже всего связывает критическую теорию с философией» [19, с. 121].

Неомарксизм считает, что в таком обществе, которое в своей тотальности определяется экономическими отношениями (причем определяется таким образом, что ничем не сдерживаемая экономика господствует над всеми человеческими отношениями), все неэкономические элементы определены экономикой. Когда же это господство сбрасывают, то оказывается, что разумная организация общества, на которую нацелена критическая теория, является чем-то большим, чем по-новому устроенная экономическая форма. Это большее имеет решающее значение, только благодаря ему общество и становится разумным: подчинение экономики потребностям отдельных индивидов. Социализация средств производства как таковая лишь «сугубо экономическим фактом» [10, с. 250].

Построение нового общественного строя зависит от того, как человек дальше будет использовать социализированные средства производства. Жизнь должна определяться уже не самоцелью труда и «занятости», а организацией разумного применения общих возможностей, регулируемой не автоматической «невидимой рукой», а сознательным общественным действием. Самоорганизация и самоопределение прямо противоположны государству и политике. Завоевание социально-экономических и культурных пространств свободы осуществляется не на обходном, подчиненном, ложном пути политики, а как строительство контр-общества. Свобода означает: не позволять рынку отчуждать себя, а государству – управлять собой, это означает организовать общественное целое под

своим собственным руководством, без посредничества промежуточных, отчужденных механизмов [18, с. 127].

С изменением общества снимается и первоначальное соотношение между надстройкой и базисом. В разумной действительности уже не процесс труда должен определять общее существование людей, а все общие потребности должны определять процесс труда. Главное заключается не в том, что процесс работы будет регулироваться в соответствии с планом, а в том, каким интересом будет определяться это регулирование и будут ли при этом сохранены свобода и счастье масс. «Пренебрежение к этому элементу лишает теорию чего-то существенного, оно устраняет с картины освобожденного человечества идею счастья, благодаря которому оно должно отличаться от всех прежних состояний в истории человечества» [16, с. 113]. Без свободы и личного счастья в общественных отношениях людей максимальное повышение труда и даже отмена частной собственности на средства производства будут нести на себе печать старой несправедливости.

В мире освобожденного человека должно быть нечто большее, нежели только экономика. *Социальную революцию* неомарксизм рассматривает как слом этой детерминации. Более того, приматом в этом мире должно быть именно внеэкономическое, человеческое. Под этим аспектом общественная собственность и плановое производство существенно теряют свой характер в интересах идеи человеческого счастья. Новый строй должен доказать свою высшую ценность не только путем экономических достижений, не только с помощью экономических принципов производительности, а именно благодаря этике, которая, будучи взятой автономно, формирует свое реальное содержание.

Литература

1. *Jappe A.* Die Abenteuer der Ware / A. Jappe. – Münster : UNRAST-Verlag, 2005. – 253 S.
2. *Mouffe Ch.* Hegemony and Socialist Strategy : Towards a Radical Democratic Politics / Ch. Mouffe, E. Laclau. – London : Verso, 2001. – 240 p.
3. *Marcuse H.* Kritik der reinen Toleranz / H. Marcuse. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp Verlag, 1993. – 127 S.
4. *Habermas J.* Legitimationsprobleme im Spätkapitalismus / J. Habermas. – Frankfurt a.M. : Suhrkamp Verlag, 2002. – 195 S.
5. *Jacoby R.* Social Amnesia : A Critic of Conformist Psychology / R. Jacoby. – Boston : Campus Politics, 2005. – 219 p.
6. *Laing R.* The Divided Self / R. Laing. – Harvard : Darton, Longman and Todd, 2001. – 341 p.
7. *Žižek S.* Psychoanalysis and post-marxism. The Case of Alain Badiou / S. Žižek // The South Atlantic Quarterly. – Durham : Spring, 1998. – Vol. 97, № 2. – P. 235–261. – Mode of access: www.egs.edu/faculty/zizek/zizek-psychoanalysis-in-post-marxism.html
8. *Žižek S.* The Ticklish Subject / S. Žižek // The Absent Center of Political Ontology. – London : Verso, 2000. – P. 128–143.

9. *Marcuse H.* Vernunft und Revolution / H. Marcuse. – Darmstadt ; Neuwied : Luchterhand, 1979. – 399 S.
10. *Reichelt H.* Neue Marx-Lektüre. Zur Kritik sozialwissenschaftlicher Logik / H. Reichelt. – Hamburg, 2008. – 384 S.
11. *Heinrich M.* Wie das Marx'sche Kapital lesen? Hinweise zur Lektüre und Kommentar zum Anfang von «Das Kapital» / M. Heinrich. – Stuttgart : Schmetterling Verlag, 2009. – 288 S.
12. *Marcuse H.* Versuch über die Befreiung / H. Marcuse. – Frankfurt a. M. : Suhrkamp, 1989. – 133 S.
13. *Mandel E.* Arbeiterkontrolle, Arbeiterrate, Arbeiterselbstverwaltung. Eine Anthologie / E. Mandel. – Frankfurt a. M. : Europäische Verlagsanstalt, 2001. – 466 S.
14. *Kurz R.* Schwarzbuch Kapitalismus. Ein Abgesang auf die Marktwirtschaft / R. Kurz. – München : Ullstein, 2009. – 456 S.
15. *Hardt M.* Multitude : War and Democracy in the Age of Empire / M. Hardt, A. Negri. – N. Y. : The Penguin Press, 2004. – 450 p.
16. *Marcuse H.* Das Ende der Utopie / H. Marcuse. – Berlin : Verlag Neue Kritik, 1995. – 190 S.
17. *Exner A.* Losarbeiten Arbeitslos – Globalisierungskritik und die Krise der Arbeitsgesellschaft / A. Exner ; Hg. Ernst Lohoff. – Münster : Unrast Verlag, 2010. – 284 S.
18. *Exner A.* Die Grenzen des Kapitalismus : wie wir am Wachstum scheitern. Christian Lauk, Konstantin Kulterer / A. Exner. – Wien : Ueberreuter, 2008. – 223 S.
19. *Lafontaine O.* Keine Angst vor der Globalisierung : Wohlstand und Arbeit für alle / O. Lafontaine. – Berlin ; Bonn : J. H. W. Dietz Verlag, 2009. – 352 S.

Институт высшего образования Национальной академии педагогических наук Украины, Киевский университет имени Б. Гринченко, Украинский гуманитарный институт, Международная лаборатория образовательных технологий Центра гуманитарного образования Национальной академии наук Украины

Зинченко В. В., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий кафедрой философии, руководитель Международной лаборатории

*E-mail: zinchenko@kiev.com.ua
Тел.: 380638601363; 380973818997;
380957633533*

Institute of Higher Education of the National Academy of Pedagogical Sciences of Ukraine, Kiev University named after B. Grinchenko, Ukrainian Institute of Arts and Sciences, International Laboratory for Educational Technology Center of Humanities of the National Academy of Sciences of Ukraine

Zinchenko V. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Principal Research Scientist, Head of the Philosophy Department, Head of the International Laboratory

*E-mail: zinchenko@kiev.com.ua
Tel.: 380638601363; 380973818997;
380957633533*